

Административные регламенты оказания публичных услуг как форма (способ) юридикации отношений между гражданами и органами власти: теоретико-правовой аспект

В последние годы в нашей стране ведутся реформы во многих сферах государственной и общественной жизни. Не обошли они стороной и сферу управления. Проводимая административная реформа направлена, в первую очередь, на создание оптимальной системы государственного управления. Эффективная государственная власть необходима для решения неотложных социально-экономических проблем, для повышения уровня и качества жизни населения¹.

При этом, как верно отмечается в специальной литературе реформирование управления – это не только и не столько изменение структуры и штатов, сколько пересмотр полномочий органов исполнительной власти, совершенствование механизмов реализации этих полномочий и функций², а также усиление правовых гарантий прав и законных интересов личности в сфере государственного управления.

Разработанный в рамках Концепции административной реформы Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» – специалисты называют важной вехой и правовой базой реализации реформы³. В соответствии с п. 1 ст. 2 этого Закона под государственной (публичной) услугой понимается деятельность по реализации функций публично-властного органа, которая осуществляется им в пределах нормативно определенных полномочий по запросам заявителей⁴.

Субъектами оказания гражданам (и иным невластным субъектам) публичных услуг действующим законодательством определены федеральные органы исполнительной власти, органы государственного внебюджетного фонда, региональные исполнительные органы государственной власти субъектов РФ, а также органы местного самоуправления.

В связи с этим, как верно отмечает отечественный исследователь В.И. Крусс, одним из трендов современной российской правовой системы выступает институционализация публичных (публично-право-

А.А. Учаев

*Заместитель прокурора Перовского района
Нижегородской области,
юрист 1 класса*

вых) услуг⁵ в форме административных регламентов органов власти.

Указанное является следствием того, что внедрение в деятельность органов власти административных регламентов является одним из важнейших направлений повышения эффективности административной деятельности органов государственной власти и управления. Административные регламенты и реализуемые в ходе их применения процедуры должны существенно улучшать качество деятельности органов государственной власти и управления, эти акты создадут оптимальный режим взаимоотношений должностных лиц органов власти и управления и граждан, которые обратились за предоставлением какой-либо публичной услуги в соответствующий исполнительный орган государственной власти. Административные регламенты способствуют также совершенствованию исполнения государственных функций, организации взаимодействия исполнительных органов государственной власти с иными заинтересованными субъектами, в частности при осуществлении государственно-частного партнерства. Кроме того, административные регламенты могут и должны способствовать противодействию коррупции и иным должностным злоупотреблениям со стороны должностных лиц различных органов власти и управления⁶.

Указанное как представляется обуславливает тот факт, что совокупная «масса» административных регламентов непрерывно растет⁷. Так, согласно концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы⁸, уже к 2010 году было утверждено 447 административных регламентов предоставления (исполнения) услуг (функций) федеральных органов исполнительной власти. На региональном и муниципальном уровнях утверждено более 6000 и 4000 административных регламентов соответственно⁹.

Таким образом, административные регламенты все активнее внедряются в правоприменительную деятельность органов исполнительной власти различного уровня¹⁰.

Изучение специальной юридической литературы показывает, что на современном этапе изучению и анализу административного регламента как нового и стремительно развивающегося института публичного права уделяется достаточно большое внимание, как со стороны практикующих юристов, так и со стороны ученых. Так, по данному вопросу в настоящее время

выпущено в свет значительное количество интересных и содержательных научно-практических публикаций¹¹.

В то же время целью настоящей статьи является установление посредством теоретико-правового анализа специфики нормативного содержания и социальной значимости административных регламентов оказания публичных услуг, как особого вида нормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления.

В юридической литературе под административным регламентом принято понимать нормативный правовой акт, содержащий нормы административного права, которые регламентируют разнообразные общественные отношения управленческого характера¹². Таким образом, исходя из указанного определения ключевыми элементами понятия административного регламента выступают нормы права, регламентирующие разнообразные общественные отношения управленческого характера.

При этом, необходимо учитывать, что в зависимости от того что понимать под нормой права обозначенные выше специфичность нормативного содержания административных регламентов и их значимость могут существенно менять свое значение.

Так, в соответствии с постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11.11.1996 N 781 – II ГД «Об обращении в Конституционный суд Российской Федерации» под правовой нормой понимается общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение.

Аналогичные определения правовой нормы в значительной степени присутствуют также и в современных теоретических источниках. Так, например в монографии «Нормы права: теоретико-правовое исследование» подготовленной коллективом авторов Российской академии правосудия норма права определяется как общеобязательное государственно-властное веление, воплощаемое в предписаниях в виде структурно определенной модели поведения субъектов, направленное на регулирование определенных разновидностей общественных отношений. Норму права в связи с этим определяют такие признаки, как всеобщность, общеобязательность, формальная определенность, системность, связь с государством, способность регулировать общественные отношения, многократность применения, неперсонифицированность¹³.

Следует признать, что приведенные определения правовой нормы имеющие место в правовой науке и практике свидетельствуют о их позитивистском характере, поскольку методологической базой для таких определений нормы права выступает теория и практика юридического позитивизма, в котором под правом принято понимать систему норм установленных либо санкционированных государством. Особенностью подобного правопонимания является сведение понятия права исключительно к государственно властным нормам (правилам, предписаниям) и оставлении при этом фактически без внимания внутренних, содержательных аспектов правовых норм и механизма их реализации.

В то же время как справедливо отмечается в научной литературе позитивистское определение нормы как правила обуславливается ее видением исключительно как установления, исходящего от государства к субъекту. Если же норму рассматривать в отношении субъекта субъекта, то она предстает как средство коммуникации и социальной идентификации¹⁴.

В связи с чем, в данном случае справедливо утверждение известного российского ученого юриста А.В. Полякова о том, что позитивистское определение правовой нормы представляется односторонним, поскольку игнорирует социальный аспект бытия нормы и лишает ее предоставительного (управомочивающего) характера, сводя, фактически, к приказу государства¹⁵.

При этом, представляется обоснованным вывод, о том что именно этактизированное понимание нормы права является одной из причин перманентной критики нормативного правопонимания, составляющей суть всех вариантов «широкого» понимания права в отечественной науке¹⁶.

По обоснованному мнению А.В. Петрова власть играла и играет определенную, а иногда и ключевую роль в определении правовых потребностей, формировании правовой воли и достижении ее целей. Но она, как другое социальное явление, по своей природе не может быть элементом сущности права и оказывает на него лишь внешнее воздействие¹⁷.

Так, если использовать вышеуказанное понятие правовой нормы для выявления специфики и анализа нормативного содержания административных регламентов окажется, что данная специфика исчерпывается исключительно совокупностью властно-определенных предписаний которыми регламентируется управленческий процесс предоставления органами власти гражданам различных видов публичных услуг,

то есть какая либо уникальность соответствующих норм и соответствующего вида деятельности исключается.

В то же время только лишь поверхностное изучение административных регламентов убедительно показывает, что их повышенная социальная значимость определяется тем, что они специфическим образом регулируют процесс осуществления публичными органами властных полномочий во взаимодействии с другой стороной управленческих отношений – гражданами и невластными организациями¹⁸. Таким образом, структура отношений в рамках административных регламентов строится не по принципу установления властных предписаний, а по принципу равного межсубъектного взаимодействия властных и невластных субъектов. В связи, с чем в рассматриваемом случае специфика нормативного содержания административных регламентов не исчерпывается нормами их составляющими, а непосредственно затрагивает вопрос внутренней структуры и содержания соответствующих правовых норм. Не случайно, в связи с этим мнение имеющее место в научной литературе по административному праву о том, что для того чтобы административный регламент исполнялся, достаточно важно, что бы его предписания носили *качественный* характер¹⁹.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что применение позитивистской методологии для уяснения специфики и смысла нормативного содержания административных регламентов является недостаточным, ввиду не возможности установления при этом специфичности правового содержания рассматриваемого вида нормативных правовых актов.

В связи с чем, представляется необходимым осуществить дальнейшее рассмотрение данной проблематики с позиций иных теоретических подходов к пониманию права и правовых норм, сформировавшихся в отечественной юридической науке и имеющих значение для правовой практики.

Особый интерес в этой связи представляет либертарная (от лат. *libertas* свобода) концепция правопонимания (В.С. Нерсисянц, Л.С. Мамут, В.А. Четвернин, В.В. Лапаева, Н.В. Варламова) разрабатываемая в современной российской юридической науке.

В рамках указанного типа правопонимания проводится теоретическое различие права и закона, что вовсе не означает непрямое противопоставление права и закона как неких самостоятельных явлений, хотя в истории правовой мысли известны и такие варианты. Это, прежде всего понимание права

как особого соционормативного регулятора, особых социальных норм, которые отличаются от других социальных норм по содержанию, а не по официальной форме их выражения²⁰. Как отмечал главный редактор и популяризатор либертарного правопонимания, академик РАН В.С. Нерсисянц этот юридический тип правопонимания принципиально отличается от легистского (позитивистского) типа правопонимания, отождествляющего право и закон, трактующего право как императивы власти независимо от их содержания и сводящего право к властно-приказным установлениям²¹. Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин выступая в далеком 1979 году на заседании «круглого стола» журнала Советское государство и право «О понимании советского права» отмечал тогда, что подобный философский (сущностно аксиологический) подход к праву (с позиций различения права и закона), не отрицая полезности и необходимости формально-логического и социолого-функционального рассмотрения права, позволяет исследовать иные грани, аспекты права, его глубинные черты, понять право в его историчности²². Таким образом, с позиций указанного теоретического подхода задача состоит не в денормативизации права (отрицании нормативности права), а в юридикации нормы закона²³, наполнении ее правовым смыслом и содержанием. Речь, следовательно, идет о качественном изменении роли и содержания нормы права в общем русле преобразования отношений между правом и властью, юридикации смысла и сущности официального нормотворчества²⁴. При этом из властного установления норма преобразуется в правовое установление власти²⁵.

Данный тип правопонимания, в основе которого лежит различение права и закона и трактовка права как всеобщей формы и равной меры свободы индивидов, начал формироваться в российской теории права с середины 70-х гг. в острой полемике с позитивистским подходом к праву советского образца²⁶. Автор либертарной концепции правопонимания В.С. Нерсисянц под сущностью права понимал формальное равенство, раскрываемое как единство трех составляющих: всеобщей равной меры регуляции общественных отношений, свободы и справедливости. Согласно такому подходу право как специфическая форма общественных отношений людей по принципу формального равенства – это абстрактно равная и одинаково справедливая для всех мера (масштаб) свободы²⁷. В практическом плане понимание права с либертарных позиций означает, что

субъектам правового общения дозволяется взаимодействовать с контрагентами только как с равными себе существами («применение равного масштаба к неравным людям»), соблюдая равенство взаимных предоставлений и получений, свободу контрагента, его положение как независимого лица²⁸. Таким образом, право как мера свободы и есть единство притязания (на свободу) и обязанности (не выходить за ее пределы), т.е. уважать свободу других лиц. Мера свободы (а значит и свобода вообще) может быть реализована именно и только как императивно-атрибутивное взаимодействие субъектов, единство притязания и долженствования²⁹, соответственно права и обязанности.

При этом лишь внешне выраженное поведение может представлять угрозу личной свободе и потому нуждается в правовой регламентации. Только правовые нормы как конституирующие формально-равный (одинаково справедливый) порядок должны быть общеобязательными, что и обеспечивает их централизованное (государственное) установление и поддержка, в том числе в случае необходимости посредством прямого насилия. Таким образом, не государственное санкционирование превращает любую социальную норму в общеобязательную (правовую), как утверждают позитивисты, а только то, что изначально является правовым и общеобязательным (свобода и формальное равенство) может и должно обеспечиваться государством, которое и учреждается для защиты свободы членов политического сообщества³⁰.

По мнению сторонника рассматриваемого типа правопонимания Н.В. Варламовой либертарная концепция права указывает на его собственное специфическое содержание как особого, отличного от всех иных, социального регулятора и привлекает не только телеологической ценностью (свобода), положенной в ее основу, но и своей операциональностью, т.к. предполагает индикаторы (критерии) правопорядка, доступные эмпирическому наблюдению. Ведь свобода – не произвольно выбранная ценность, а естественно присущее человеку состояние (объективно должное) на известном этапе развития социума, когда становится возможной и необходимой относительная эмансипация человека от общности. По сути либертарное понятие права является формализацией (а потому и юридикацией) идеологии естественных и неотчуждаемых прав человека. При этом общие принципы правовой регуляции (свобода и формальное равенство) применительно к той или иной ситу-

ации (отношению) могут быть конкретизированы и «развернуты» в непротиворечивую систему формально определенных правил поведения правовых норм (позитивного права)³¹.

Обоснованность указанных теоретических выводов подтверждается тем, что как справедливо отмечалось еще в советской юридической науке функциональное назначение права заключается не в регулировании общественных отношений (право само по себе не регулирует, регулированием занимаются люди на основе норм права), а в *нормировании, в мере и оценки общественных отношений*, их измерении³². Так, известный советский правовед А.А. Ушаков отмечал, что право – это мера поведения людей, государственного регулирования общественных отношений, *мера прав и обязанностей* людей в государственно–организованном обществе, измерение благ, социальных ценностей и социальной ответственности³³. На современном этапе развития юридической науки аналогичные по сути теоретические суждения о функциональном назначении права и неисчерпаемости права нормативным аспектом высказаны А.В. Петровым: «Давайте теперь задумаемся, разве конечной целью воли, которая реализует себя в праве, являются создание юридических норм, установление властных государственных предписаний? Конечно, нет; правовая воля реализует себя, удовлетворяет породившие ее социальные правовые потребности лишь в правомерном поведении субъектов социальной жизни, в достижении правопорядка. Юридические нормы, равно как и другие многочисленные правовые явления, выступают здесь только как промежуточные звенья, как последовательно развертываемые средства в процессе достижения сущностью конечного результата»³⁴.

Так, действительно проводимый лишь выборочный теоретический анализ содержания значительной части административных регламентов принятых органами власти для регламентирования порядка предоставления ими публичных услуг позволяет сделать вывод о том, что содержащиеся в них нормативные положения достаточно сложно рассматривать и тем более квалифицировать через понятие правил поведения (властных предписаний), поскольку они в значительной своей части не содержат соответствующих предписаний для субъектов права, а устанавливают систему взаимообусловленных и корреспондирующих субъективных прав и юридических обязанностей участников (в рассматриваемом случае органов власти и граждан) посредством реализации (испол-

нения, соблюдения и использования) которых обеспечивается разграничение (соблюдение меры) интересов сторон рассматриваемых правоотношений и как следствие достижение конечных целей правового регулирования рассматриваемой сферы. Отмеченная особенность заключается в том, что в рассматриваемом случае граждане выступают не пассивными адресатами норм действующего законодательства (исполнителями властно устанавливаемых законодательных предписаний соответствующих видов административных регламентов), а равноправными (равными) участниками социального взаимодействия на другой стороне которого находятся соответствующий орган власти (его структурное подразделение, должностные лица), то есть в рассматриваемом случае граждане и органы власти (их должностные) лица предстают как равные субъекты правового общения, что уже достаточно уникально для сферы публичного права.

Здесь необходимо учитывать, что рассматриваемый характер конструирования норм права состоит не в произвольном их закреплении за каждой из сторон рассматриваемого правового регулирования, а в установлении их в таком порядке и по такому принципу при котором обеспечивается соблюдение баланса интересов сторон такого взаимодействия, поддерживаемый представительно обязывающим (императивно атрибутивным) характером устанавливаемых норм права (каждому установленному субъективному праву одного субъекта соответствует юридическая обязанность другого и наоборот). Например, у заявителя имеется право обратиться в орган власти с заявлением о предоставлении публичной услуги, у органа власти в связи с этим имеется обязанность рассмотреть в установленные сроки такое заявление и оказать гражданину соответствующую публичную услугу или же наоборот у заявителя имеется обязанность при обращении в орган власти с заявлением о предоставлении публичной услуги обеспечить ответственность такого заявления установленным требованиям (носящим при этом четко определенный и исчерпывающий характер) у органа власти же при этом имеется право в случае несоответствия поступившего заявления установленным требованиям вернуть его заявителю либо оставить без рассмотрения с соответствующим уведомлением заявителя об этом. Эффективность правового регулирования при этом напрямую зависит от согласованности и упорядоченности субъективных прав и юридических обязанностей имеющих у субъектов права (взаимодействующих сторон).

Приведенные примеры особенностей правового воздействия норм административных регламентов на поведение участников управленческих отношений через систему равных прав и обязанностей свидетельствуют об определенной уникальности такого способа правового регулирования существенно отличающегося, например от метода властного регулирования общественных отношений, осуществляемого по принципу установления властных предписаний. Данный правовой способ регламентации по сути дела и является той самой юридикацией (построением регулируемых отношений по системе равных взаимно корреспондирующих прав и обязанностей заинтересованных лиц, не наделенных властными полномочиями и властных субъектов публичного права) о которой идет речь в названии настоящей статьи.

Отмеченные особенности правовых норм административных регламентов и несоответствие их при этом, существующему позитивистскому определению нормы права как государственно властного и общеобязательного предписания обоснованно ставят вопрос о возможностях теоретической разработки и практического использования непозитивистского понимания правовых норм.

Следует признать, что по данному направлению теоретических исследований в науке как ранее, так и в настоящее время проводятся достаточно серьезные и многоплановые методологические исследования, имеющие определяющее значение не только для теории, но и для правовой практики.

Так, например известный ученый, социолог с мировым именем, П.А. Сорокин еще в 1919 году определял правовую норму следующим образом: *первая и основная черта правовой нормы поведения заключается в том, что она является нормой, наделяющей одно лицо (субъекта права) тем или иным полномочием (правомочием), а другое лицо (субъекта обязанности) той или иной обязанностью. Иными словами, правовая норма всегда устанавливает определенную связь между двумя правовыми центрами (субъектом права и субъектом обязанности) и указывает, что может требовать один и что должен сделать другой. Данный признак, состоящий в распределении полномочий (прав) одним и обязанностей (должного) другим, составляет основную, неизбежно присущую черту правовой нормы. Поэтому всякое правило поведения, которое обладает этим признаком, будет нормой права*³⁵.

Таким образом, следует признать, что права и обязанности – основной исходный элемент права,

ничего более важного в структуре права, по существу, нет³⁶. Как отмечал в свое время известный российский ученый юрист, член–корреспондент РАН Г.В. Мальцев система прав и обязанностей – сердцевина, центр правовой сферы, и здесь лежит ключ к решению основных юридических проблем³⁷.

Не случайно в связи с этим, что именно в специфике правового общения, взаимно обусловленном (императивно–атрибутивным, меновом, представительно–обязывающем, коммуникативном, диалогическом, эквивалентном) характере субъективных прав и юридических обязанностей ученые прошлого и современности усматривали и продолжают усматривать уникальность права как социального регулятора и особенности правового способа (формы) регулирования общественных отношений (например, социологический подход к праву С.А. Муромцева, психологическая концепция Л.И. Петражицкого, меновая теория права Е.Б. Пашуканиса, вариант «широкого» понимания права Л.С. Явича, коммуникативная концепция права А.В. Полякова, антрополого–диалогический подход к праву И.Л. Честнова, материалистическое правопонимание В.М. Сырых). Однако, как верно отмечает представитель либертарного правопонимания В.В. Лапаева не считая равенство сущностным признаком права, эти подходы к пониманию права демонстрируют на практике ограниченность своих возможностей в деле защиты права. Между тем каждый из них привносит что–то важное в копилку общечеловеческих знаний о праве, раскрывая ту или иную его грань, значимую не только в теоретическом, но и в практическом плане³⁸.

В практическом плане отмеченные теоретические позиции обуславливают необходимость надлежащего учета равных прав и обязанностей субъектов правового общения при нормативном регулировании и конструировании (разработке) соответствующих нормативных правовых актов (не только в сфере государственного и муниципального управления), поскольку как свидетельствует складывающаяся правоприменительная практика отсутствие в действующем законодательстве надлежащего правового регулирования, в части непринятия законодателем исчерпывающих мер по установлению в нормативных правовых актах четко конкретизированной системы равных взаимно обусловленных и корреспондирующих субъективных прав и юридических обязанностей субъектов, приводит (может приводить) к превышению уровня прав и дозволений одной стороны (соответствующей меры свободы), над правами и обязанностями другой

стороны правовых отношений, предусматриваемых действующим законодательством, что в свою очередь обуславливает в практическом плане достаточно серьезные негативные социальные последствия, связанные, в том числе с созданием условий для совершения преступных деяний³⁹, допущением произвола, неравенства и субъективизма в правовой сфере.

Отсутствие надлежащего правового содержания в действующем законодательстве по меткому выражению В.М. Сырых позволяет рассматривать его как превращенную форму позитивного права, под которой указаный автор, известный специалист по вопросам теории права понимает действующие нормативные предписания, которые являются таковыми лишь по форме. По своему же непосредственному содержанию они представляют собой выражение произвольной, субъективной правотворческой воли⁴⁰, не носящей объективно обусловленный характер.

В связи с чем, как верно отмечается в юридической литературе в настоящее время в условиях информационного общества и глобализации необходимым условием соблюдения населением правовых норм являются юридические процедуры, реализующие принцип формального равенства⁴¹, в связи с чем, данному принципу по мнению специалистов должны соответствовать модели социального взаимодействия, устанавливаемые позитивным правом (законодательством) в качестве «нормальных» и должных⁴². При этом, стремительное увеличение доли административных регламентов «построенных» по принципу равного межсубъектного взаимодействия органов власти и граждан (формального равенства) в общей массе нормативных правовых актов органов управления, наблюдаемое в современных условиях объективно подтверждает в практике право применения указанный теоретический вывод.

При этом, необходимо учитывать, что особая роль по обеспечению рассматриваемого правового содержания нормативных правовых актов принадлежит органам прокуратуры которыми в рамках осуществля-

емого на постоянной основе надзора за законностью нормативных правовых актов и их проектов, а также при осуществлении антикоррупционной экспертизы правовых актов оперативно обеспечивается соответствующее правовое качество действующего законодательства, что особенно очевидно на муниципальном уровне (обеспечение соответствия (законности) правовых актов нижестоящих органов власти законодательным актам вышестоящих органов, исключение из нормативных правовых актов и их проектов коррупциогенных факторов, устранение противоречий, а также пробелов и неполноты в правовом регулировании, нарушений правил и норм юридической техники и т.д.).

Так, еще В.С. Нерсесянц в своей фундаментальной работе «Философия права» отмечал, что в борьбе против правонарушающего закона в процессе исторического развития свободы, права и государственности сформировались и утвердились специальные институты, процедуры и правила как самой законотворческой деятельности (и в целом процесса «позитивации» права), так и авторитетного, эффективного контроля за соответствием закона праву (система сдержек и противовесов в отношениях между различными властями, общесудебный, конституционно-судебный, *прокурорский контроль за правовым качеством закона*)⁴³.

Таким образом, активизация надзорной деятельности прокуроров в правотворческой сфере (наряду с иными, указанными выше факторами) призвана усилить внедрение правовых начал в действующее законодательство, обеспечить его совершенствование и развитие в правовом направлении, а также что не менее важно способствовать надлежащей реализации норм правового законодательства в практике право применения.

Указанное, как представляется будет способствовать усилению гарантий прав и свобод личности, что учитывая особенности современного этапа построения правового государства является ключевым элементом данного процесса. ■

¹ Административная реформа в России: Научно-практическое пособие / Под. ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. М.: ИНФРА-М, 2006 // СПС КонсультантПлюс. 2016.

² Там же.

³ Куракин А.В., Юлегина Е.И. Административные регламенты исполнения государственных функций и оказания государственных услуг в области осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Административное и муниципальное право. 2013. N 7. С. 758–766.

⁴ Крусс В.И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. N 5 (СПС КонсультантПлюс. 2016).

⁵ Там же.

⁶ Куракин А.В., Юлегина Е.И. Административные регламенты исполнения государственных функций и оказания государственных услуг в области осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Административное и муниципальное право. 2013 (СПС КонсультантПлюс. 2016).

⁷ Крусс В.И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. N 5 (СПС КонсультантПлюс. 2016).

⁸ СЗ РФ. 2011. N 26. Ст. 3826.

⁹ Крусс В.И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. N 5 (СПС КонсультантПлюс. 2016).

¹⁰ Куракин А.В., Юлегина Е.И. Административные регламенты исполнения государственных функций и оказания государственных услуг в области осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Административное и муниципальное право. 2013 (СПС КонсультантПлюс. 2016).

¹¹ См. например: Давыдов К.В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории. М., 2010; Заклязминская А.Н., Федосеева Н.Н. Административные регламенты: инструменты современного государственного управления и новый институт административного права // Административное право и процесс. 2010. N 5; Страхов А.И. Разработка и применение административных регламентов органов исполнительной власти // Актуальные проблемы преподавания современного административного права: теория, практика, методика. М., Саратов, 2010; Козлова Л.С., Садовская Т.Д. Административные регламенты как правовое средство предупреждения коррупции // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. N 2 (СПС КонсультантПлюс. 2016).

¹² Куракин А.В., Юлегина Е.И. Административные регламенты исполнения государственных функций и оказания государственных услуг в области осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Административное и муниципальное право. 2013 (СПС КонсультантПлюс. 2016).

¹³ Нормы права: теоретико-правовое исследование: Монография / Т.В. Губаева, Л.А. Гумеров, А.В. Краснов и др.; отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов; Рос. акад. правосудия. М.: РАП, 2014. С. 28.

¹⁴ Пермьяков Ю.Е. Правовая норма в обратной перспективе // Вестник Самарского государственного университета. 2006. N 1 (41). С. 165.

¹⁵ Поляков А.В. Общая теория права: Курс лекций. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 467.

¹⁶ Гайворонская Я.В. К вопросу о понимании правовых и юридических норм // Правоведение. 2001. N 3. С. 40.

¹⁷ Петров А.В. О категории сущности права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. 2010. N 1. С. 257.

¹⁸ Козлова Л.С., Садовская Т.Д. Административные регламенты как правовое средство предупреждения коррупции // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. N 2. С. 87.

¹⁹ Костенников М.В., Куракин А.В. Актуальные проблемы административного права. М., 2013. С. 115.

²⁰ Четвернин В.А. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. Специальный выпуск. М.: Институт права и публичной политики, 2003. N 4 (45). С. 28.

²¹ Нерсесянц В.С. Выступление на заседании «круглого стола» журнала Государство и право «Закон в переходный период: опыт современной России» // Государство и право. 1995. N 10. С. 35.

²² Зорькин В.Д. Выступление на заседании «круглого стола» журнала Советское государство и право «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. N 8. С. 56.

²³ Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 52.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Лапаева В.В. Различные типы правопонимания: анализ научно-практического потенциала // Законодательство и экономика. 2006. N 4 (СПС КонсультантПлюс. 2016).

²⁷ Там же.

²⁸ Мамут Л.С. Выступление на заседании «круглого стола» журнала Советское государство и право «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. N 8. С. 63.

²⁹ Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации (глава VI «Правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры», автор Н.В. Варламова). Монография / Варламова Н.В., Лапаева В.В., Лукашева Е.А., Малахов В.П., и др.; Под. ред. Соколовой Н.С. М.: Изд-во РУДН. 2006. С. 326–368.

³⁰ Там же.

³¹ Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации (глава VI «Правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры», автор Н.В. Варламова). Монография / Варламова Н.В., Лапаева В.В., Лукашева Е.А., Малахов В.П., и др.; Под. ред.: Соколова Н.С. М.: Изд-во РУДН. 2006. С. 326–368.

³² Ушаков А.А. Выступление на заседании «круглого стола» журнала Советское государство и право «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. N 8. С. 2.

³³ Там же.

³⁴ Петров А.В. Форма права и ее разновидности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. 2012. N 6 (1). С. 229.

³⁵ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль. 1919. С. 13 С. 14.

³⁶ Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2008. С. 225.

³⁷ Мальцев Г.В. Права личности: юридическая норма и социальная действительность // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 50.

³⁸ См.: Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. 2008. N 2. (СПС КонсультантПлюс. 2016).

³⁹ См. подробнее: Учаев А.А. Фиктивные предприниматели. Из практики прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства / Законность и правопорядок: Сборник научно-практических статей. Вып. 3–4 (13). Н. Новгород, Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2015. С. 45–47.

⁴⁰ Сырых В.М. Прощай, классика, вперед к материалистической теории права // Правоведение. 2014. N 5 (316). С. 47.

⁴¹ Денисенко В.В. Легитимность правовых норм в западных и восточных правовых культурах // Правовая культура. 2016. N 1 (24). С. 38.

⁴² Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации (глава VI «Правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры», автор Н.В. Варламова). Монография / Варламова Н.В., Лапаева В.В., Лукашева Е.А., Малахов В.П., и др.; Под. ред.: Соколова Н.С. М.: Изд-во РУДН. 2006. С. 326–368.

⁴³ Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 36.